

УДК 314.727

*Бреславский А.С.
Breslavskiy A.S.***Сельские мигранты в постсоветском Улан-Удэ:
ожидания, стратегии, практики расселения****Rural Migrants in the Post-Soviet Ulan-Ude:
expectations, strategies, practices of settling**

В фокусе внимания статьи – практики расселения сельских мигрантов (выходцев из сельской Бурятии) в постсоветском Улан-Удэ (столице республики). Исследование опирается на академические и административные материалы, статистические сведения, данные полевого исследования. В работе автор выделяет основные стратегии и зоны расселения сельских мигрантов в городе, анализирует их миграционные ожидания, а также барьеры, с которыми они сталкиваются.

Ключевые слова: *сельско-городская миграция, практики расселения, Улан-Удэ*

The article focuses on practices of settling of rural migrants (from rural settlements of Buryatia) in the post-soviet Ulan-Ude (capital of the republic). The research is based on academic and administrative materials, statistical data and field work. In the article the author identifies key strategies and areas of settling of rural migrants in the city, analyzes their migration expectations and barriers.

Key words: *rural-urban migration, practices of settling, Ulan-Ude*

Основной замысел настоящей статьи – определить, как и где в Улан-Удэ предпочитают (вынуждены) жить сельские мигранты, вслед за этим понять, сформировались ли за последние двадцать лет более или менее устойчивые направления их расселения в городе. Исследование было реализовано в 2009-2010 гг. и включало два этапа. Первый этап – анализ материалов академического и административного дискурсов, касающихся сельско-городской миграции в Бурятии. Второй этап – «полевой» – запись нарративных и фокусированных интервью с информантами (всего – 23 интервью) – лицами, переехавшими в Улан-Удэ из сельских районов Бурятии в период с 1989 по 2009 г.

Стоит отметить сразу, что проблематика «сельско-городской миграции в постсоветской Бурятии» при своей очевидной социальной и политической актуальности, не получила, на наш взгляд, достаточного внимания со стороны регионального научного сообщества. Количество

БРЕСЛАВСКИЙ Анатолий Сергеевич, к.и.н., младший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ)

Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. по теме «Переселенческое общество Азиатской России: этномиграционные процессы в формировании локальных пространств и сообществ. Рубежи XIX-XX и XX-XXI веков» в научно-образовательном центре Межрегиональный институт общественных наук при ИГУ

работ, посвящённых собственно миграции из села в город, сравнительно невелико [1; 2; 4; 5; 10; 11]. Общая характеристика миграционных процессов в постсоветской Бурятии также обозначена в сравнительно небольшом количестве работ [3; 6; 7], большая часть которых появилась уже в 2000-е гг.

Общее состояние миграционных процессов в Бурятии в период с 1991 по 2009 г. может быть определено как достаточно негативное. Уровень миграционной убыли в большинстве сельских районов превышает уровень прибытия, по имеющимся прогнозам данная ситуация существенно не изменится в три ближайших десятилетия [9]. Во внутривнутрирегиональном перемещении населения отмечается преобладание миграционных потоков, ориентированных из сельских поселений в городские, особой притягательностью обладает столица республики – г. Улан-Удэ [2, с. 136; 3, с. 4]. В силу экономических барьеров значительная часть сельчан оседает на окраинах города и в пригороде [1]. Пригородом для Улан-Удэ (что отличает его, к примеру, от Иркутска) выступают исключительно сельские поселения, входящие в состав приграничных к столице сельских районов (в первую очередь Иволгинского, Тарбагатайского, Заиграевского, Прибайкальского). Повседневная жизнь части из обозначенных сельских поселений за последние двадцать лет настолько оброслась с «городом», что это, пожалуй, даёт возможность назвать их частью Улан-Удэ. Одновременно, в период с 1990 г. по 2009 г. значительно расширились границы самого городского округа – город Улан-Удэ. За счёт плановой и нерегулируемой застройки территории городских окраин в некоторых микрорайонах почти вплотную слились с сельским пригородом. Своего рода неинституализированная «агломерация» постепенно формируется на уровне социальных, в том числе деловых сетей, подкрепляется микропроектами частного бизнеса (строительством на территориях городских окраин крупных супермаркетов, расширением маршрутов внутригородских пассажирских перевозок, развитием производственных отношений между городом и деревней в сельскохозяйственной сфере и пр.). Вместе с тем на уровне публичных дискуссий, в нормативно-правовом поле вопрос о формировании агломерации или какой-либо другой формы объединения города и пригородных территорий сегодня не стоит. Для этого, очевидно, не сформировались предпосылки, прежде всего экономического характера.

В целях сдерживания миграционной убыли, закрепления населения на местных территориях Народных Хуралом РБ (высший орган представительной власти республики) совместно с Правительством РБ был разработан и принят ряд нормативно-правовых актов (НПА). Часть из них не только установила общие принципы и политические задачи в области миграционного развития, но и предполагала программы действий по изменению проблемной ситуации [8]. При этом на республиканском уровне, равно как и на уровне администрации г. Улан-Удэ, согласно имеющимся у нас данным, не было разработано каких-либо НПА, программ, которые бы определяли механизмы активного регулирования миграции из сельской местности в г. Улан-Удэ. Иными словами, сельские жители республики, решив переехать в Улан-Удэ, с одной стороны, не располагают возможностью включиться в какие-либо специально разработанные для них программы, а с другой стороны, и не ограничены в возможностях расселения в городе. Каких-либо официальных административных барьеров, препятствующих или ограничивающих перемещение сельских жителей в город Улан-Удэ сегодня нет. Вместе с тем актуальными при переезде и расселении в Улан-Удэ для многих сельских мигрантов остаются другие группы барьеров, прежде всего адаптационные, информационные и экономические.

На процесс расселения сельских мигрантов существенное влияние оказывают имеющиеся у них знания и представления «о переезде в Улан-Удэ», «в город», полученные ими до переселения. Здесь мы выявили следующее. Во-первых, Улан-Удэ, будучи в дискурсном измерении «единственным городом республики», обладает в этом смысле наибольшей миграционной притягательностью по отношению к малоперспективной сельской Бурятии. Сельчане-мигранты рассматривают «город» как место, где сконцентрированы позитивные полюса общественной жизни всей республики – развитый рынок труда, институты высшего образования, сферы культуры и досуга, благоприятная социальная и инфраструктурная среда и пр. Во-вторых, представление об Улан-Удэ в среде сельских жителей было и в целом остаётся отстранённым, внешним, интуитивным, слабо отражающим реалии постсоветских изменений. Это особенно характерно для жителей отдалённых от столицы республики сельских районов и для первого постсоветского десятилетия в целом. Знание о городе у сельчан подчас предельно локализовано, что выражается, к примеру, в ограниченности списка знакомых людей и мест. Вместе с тем, развернувшиеся в последние 15-20 лет процессы массового переселения сельских жителей в Улан-Удэ с каждым годом упрощают проблему «информационного голода», которая встаёт практически перед каждым новым мигрантом. Наконец, в представлениях мигрантов-сельчан Улан-Удэ является сообществом, в котором они могут рассчитывать на социальную лояльность и в котором проблемы социокультурной адаптации будут для них менее острыми, чем, к примеру, в других регионах страны. Подобные представления не в последнюю очередь опираются на примеры успешных стратегий переселения, которыми мигранты делятся в своей среде.

Обозначенные тезисы, конечно же, выражают лишь контур, смысловые границы восприятия Улан-Удэ сельскими жителями. Понятно, что «ощущение» мигрантами города может в действительности разительно отличаться от случая к случаю. Было бы грубой ошибкой говорить об однородности как самих представлений, так и гомогенности сообщества мигрантов – сельских жителей республики. Это сообщество отнюдь не однородно и, как отмечали сельчане-информанты, восприятие ситуации миграции в среде потенциальных мигрантов изначально множественно. Очевидная общность «сельского происхождения» не должна здесь вводить в заблуждение. Сложно говорить и о том, насколько схожими являются миграционные представления жителей отдельных сельских районов, сельских поселений республики, людей, принадлежащих к одному поколению, прошедших схожие пути социализации, имеющих схожий уровень достатка, причисляющих себя к одной этнической группе и пр. Возможно, ответ на этот вопрос можно найти в серии более детальных обследований за счёт организации соответствующих исследовательских кейсов. В настоящий момент имеющиеся аналитические исследования и характер собираемой статистики, на наш взгляд, не позволяют решить эту задачу. В этом смысле, решая главную задачу данного исследования – выявить направления расселения сельских мигрантов в Улан-Удэ в целом, мы не будем дополнительно разделять сообщество сельских мигрантов на какие-либо подгруппы, соотносить эти группы с отдельными направлениями расселения. Здесь необходимо сделать важное уточнение: когда речь заходит о реальном, а не воображаемом, представляемом переезде, на формирование стратегий расселения начинают воздействовать и иные факторы, прежде всего, наличие у мигрантов – сельских жителей необходимого экономического и социального капитала для обустройства в городе. Отметим сразу, что влияние этих факторов может и не быть определяющим. К примеру, совсем не очевидно, что сельская

семья, располагающая значительным экономическим капиталом, будет стараться перебраться в город, также как не очевидно, что, перебравшись в город, она поселится в удобной благоустроенной квартире, а не в собственном доме на окраине.

Владение достаточным экономическим капиталом, в нашем случае наличными средствами, – это в сущности единственное, что нужно было для покупки жилья в Улан-Удэ с первых лет его постсоветской истории. Одновременно у самих горожан с началом Перестройки появилось законное право сдавать в аренду свои квартиры, дома и комнаты. При этом финансовая возможность приобрести жильё в Улан-Удэ в первые годы 1990-х была не намного, но все же реальней, чем, к примеру, сегодня. Именно поэтому многим из тех сельских жителей, кто приобрёл недвижимость до острого роста цен в середине-конце 1990-х гг., решить эту задачу сегодня было бы намного сложнее. К середине 1990-х гг., когда стало очевидно, что аграрный сектор экономики, вокруг которого организовывалась социальная жизнь большинства деревенских жителей, вступил в конечную фазу стагнации, потребность в выстраивании новых жизненных стратегий значительно возросла. При этом миграционные стратегии, как отмечали наши информанты, всё ещё считались достаточно «дикивинной» практикой, поскольку решение о кардинальной перемене места жительства, «места жизни», расходилось с распространёнными культурными нормами и ценностями.

Наличие экономического капитала продолжает играть определяющую роль в реализации сельскими жителями стратегии расселения в Улан-Удэ. При этом реальной финансовой возможностью приобрести, к примеру, благоустроенную квартиру хотя бы в околоцентральной зоне, обладают сегодня единицы. Продажа добротного 3-4 комнатного дома в любом из сельских районных центров республики вместе с хозяйственными постройками (зимовьем, баней, кладовыми и т.п.) не позволяет в подавляющем большинстве случаев приобрести 2-3 комнатную благоустроенную квартиру в Улан-Удэ, причём даже в черте города.

Именно экономические барьеры, создаваемые рынком городской недвижимости, были и остаются главным препятствием для переезда потенциальных мигрантов из сельской местности в Улан-Удэ. Большинство из тех, кто всё же решает переехать, по крайней мере, в первые годы пребывания в Улан-Удэ приобретают жильё в отдалённых от центральной части города микрорайонах, в посёлках, входящих в состав городского округа и пр. Обычно жильём для «новых» горожан становятся одноэтажные или реже двухэтажные (многоквартирные, барачного типа) деревянные дома с небольшим участком в так называемом «частном секторе» того или иного городского микрорайона. Специфика же наиболее отдалённых микрорайонов практически по всей территории Улан-Удэ – в их транспортной недоступности (замкнутости), крайне слабой развитости социальной и бытовой инфраструктуры, а также в целом неблагоприятном социальном окружении.

Решением проблемы для многих сельских семей становится аренда (покупка) городской дачи и её переобустройство. Уже с конца 1980-х гг. по сей день в улан-удэнских дачных кооперативах происходит активное преобразование летних домиков в отапливаемое «полноценное» жильё, на участках появляются гаражи, бани. Большинство из дач находятся в черте города, некоторые в 15-20 мин. от его центра, здесь есть электричество, место для разведения небольшого огорода, пробурены скважины. Это делает дачи достаточно привлекательным и удачным вариантом для сельских мигрантов.

Не менее распространённой практикой является постройка дома «нуля» на купленном или, если нет возможности, самовольно захвачен-

ном участке, а также перевоз сельского дома в город (пригород). Частный сектор на окраинах Улан-Удэ за последние 10-15 лет значительно расширился именно за счёт реализации сельскими жителями подобных стратегий. В некоторых местах, где в советские годы были широкие поля, пустыри, сегодня можно увидеть построенные сельскими «горожанами» новые микрорайоны. При этом здесь может отсутствовать необходимая бытовая и социальная инфраструктура – электрическая сеть, водоканалы, магазины, аптеки и пр.

Сельчане особенно на начальном этапе расселения часто вынуждены жить в стеснённых условиях. Имея ограниченный семейный бюджет, они занимаются преимущественно решением задач физического выживания. Существенной оказывается поддержка деревенских родственников и друзей как из места выбытия, так и тех, что уже переехали в Улан-Удэ и живут рядом. Не всегда, но достаточно часто сельские мигранты из одного поселения, района, переезжая в Улан-Удэ, селятся рядом. Это решает часть проблем с адаптацией на новом месте, позволяет коллективно решать индивидуальные и групповые задачи по налаживанию быта, поиска работы и пр. Не во всех случаях поддержка сельских друзей, родственников, земляков считается само собой разумеющимся делом, между тем в ней редко отказываются.

До сих пор мы рассматривали случаи, когда в результате переезда в Улан-Удэ сельчане приобретали, строили себе жильё в городе. Между тем в структуре исследуемой миграции такого рода стратегии не составляют подавляющего большинства среди прочих миграционных историй. Не менее характерными в нашем случае в последние два десятилетия остаются практики аренды, временного съёма жилья, в которые включена преимущественно главная группа мигрантов из сельской местности – трудоспособная, молодёжь (в основном от 17 до 35 лет). Экономические барьеры рынка недвижимости, а также достаточно высокая конкуренция на городском рынке труда, в действительности, не позволяют многим сельчанам, прибывающим в Улан-Удэ, обучающимся, активно работающим в городе, приобрести собственное жильё. И здесь обычно срабатывает одна из трёх стратегий – люди либо обращаются за временной помощью к городским родственникам, знакомым, живущим в городе, либо идут в агентство за съёмной квартирой (комнатой, домом и пр.), либо, что не менее характерно, первое время живут у своих родственников, земляков, уже перебравшихся в город.

Социальный капитал сельчан, их семей, в частности «полезные знакомства», «связи», родственники в городе – всё это порой играет решающую роль в судьбе сельского мигранта, однако не каждого и не всегда. К родственникам обращаются чаще на этапе приезда, «на первое время», в особенности, когда речь заходит о жилищном устройстве детей в городские образовательные учреждения. Достаточно часто этап проживания «у городских родственников» предваряет «самостоятельную жизнь».

Итак, можно ли, опираясь на обозначенные в разделе тезисы, выявить наиболее характерные, сущностные черты, присущие процессам расселения сельских мигрантов в постсоветском Улан-Удэ? При всём многообразии практик расселения, представлений о городе, возможностей тех или иных мигрантов, «типичных» и «нетипичных» историй, которые нами были собраны, можно с достаточной уверенностью сказать «да». Направления расселения всё же лежат в ограниченном «коридоре возможностей», который задаётся уровнем материального достатка того или иного мигранта. Для прошедших двадцати лет постсоветского этапа сельско-городской миграции характерно в этом смысле преобладание группы мигрантов трудоспособного возраста со средним уровнем достатка. Основными зонами их расселения стали территории одноэтажной

(реже двухэтажной) деревянной застройки преимущественно на окраинах города – в отдалённых от центральной части Улан-Удэ микрорайонах и посёлках, в частном секторе, в дачных кооперативах. Подобная тенденция характерна, как показало исследование для сельских мигрантов, живущих как в арендуемом жильё, так и для тех, кто имеет свою собственную жилую недвижимость.

Следует отметить, что часть сельчан, приезжая в Улан-Удэ, как двадцать лет назад, так и сейчас, имеет возможность и приобретает благоустроенное жильё в центральной и относительно благополучной части Улан-Удэ. При этом одни из сельчан, очевидно, привносят в пространство города «сельский образ жизни», другие – нет. До сих пор сложно говорить и о том, сложился ли в Улан-Удэ «городской образ жизни», и, если «да», то каковы границы его локализации. В этом смысле сложно судить и том, насколько сельская миграция в постсоветский период истории Улан-Удэ видоизменила культурное пространство города.

В последнее время, по пришествии периода массового выбытия сельчан из «умирающих» деревень республики, выезд на постоянное место жительства «в город» становится, как говорят информанты, более обдуманым, взвешенным. Возможно, это говорит о том, что и этап спонтанной миграции наименее обеспеченных сельчан, малопривлекательный для городского сообщества, в целом пройден.

Литература

1. Бреславский А.С. Пригороды Улан-Удэ в миграционных процессах постсоветской Бурятии: трансформация поселений и местных сообществ // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX-XX и XX-XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2012. С. 447-463.
2. Бреславский А.С. Сельско-городская миграция в постсоветской Бурятии: практики расселения в Улан-Удэ / А.С. Бреславский // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX-XX XX-XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 132-155.
3. Будаева Ц.Б. Миграция населения в зеркале общегосударственных перемен // Бурятия. 2002, 1 ноября. С. 4.
4. Гунтыпова Э., Шулунова Р. Миграция и высшее образование (по результатам опроса в Бурятской сельхозакадемии) // Вестник Евразии. 2006. № 2 (32). С. 47-61.
5. Итыгилова Л.М. Миграционные настроения молодёжи Бурятии: выпускники вузов и «репатриантов» // Город и село в условиях глобализации (на примере Республики Бурятия): мат-лы междунар. семинара. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 94-101.
6. Козулин А.В. Миграционные процессы в Бурятии на современном этапе: основные тенденции и пути регулирования // Город и село в условиях глобализации (на примере республики Бурятия): мат-лы междунар. семинара. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 80-91.
7. Мангатаева Д.Д. Население Бурятии: тенденции формирования и развития. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. 155 с.
8. Постановление Правительства РБ от 29.04.2002 г. «Концепция демографического развития Республики Бурятия на период до 2010 г.» (включает

раздел «Миграция и расселение»). [Электронный ресурс]. URL: <http://sibnews.info/section9i/sortwt/okdoke7glcpyhi.htm> [Дата обращения: 17.04.2010 г.].

9. Предположительная численность населения Республики Бурятия до 2030 г. // Статистический сборник № 02-03-00. Бурятстат. Улан-Удэ. 2009. С. 4.

10. Рандалов Ю.Б., Хараев Б.В., Чукреев П.А. Миграционные настроения сельских жителей: действующие факторы и тенденции (по материалам социологического исследования в Республике Бурятия). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 115 с.

11. Содномпилова М.М. Сельско-городская миграция в Бурятии: формирование транслокального пространства // Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 163-184.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Breslavskij A.S. Prigorody Ulan-Udeh v migratsionnykh protsessakh postsovetsoj Buryatii: transformatsiya poselenij i mestnykh soobshhestv // Mestnye soobshhestva, mestnaya vlast' i migranty v Sibiri na rubezhakh XIX-XX i XX-XXI vekov / nauch. red. V.I. Dyatlov. Irkutsk: Ottisk, 2012. S. 447-463.

2. Breslavskij A.S. Sel'sko-gorodskaya migratsiya v postsovetsoj Buryatii: praktiki rasseleniya v Ulan-Udeh / A.S. Breslavskij // Migratsii i diasporы v sotsiokul'turnom, politicheskom i ehkonomicheskom prostranstve Sibiri. Rubezhi XIX-XX XX-XXI vekov / nauch. red. V.I. Dyatlov. Irkutsk: Ottisk, 2010. S. 132-155.

3. Budaeva TS.B. Migratsiya naseleniya v zerkale obshhegosudarstvennykh peremen // Buryatiya. 2002, 1 noyabrya. S. 4.

4. Guntypova EH., SHulunova R. Migratsiya i vysshee obrazovanie (po rezul'tatam oprosa v Buryatskoj sel'khozakademii) // Vestnik Evrazii. 2006. № 2 (32). S. 47-61.

5. Itygilova L.M. Migratsionnye nastroyeniya molodyozhi Buryatii: vypuskniki vuzov i «repatriantov» // Gorod i selo v usloviyakh globalizatsii (na primere Respubliki Buryatiya): mat-ly mezhdunar. seminar. Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2009. S. 94-101.

6. Kozulin A.V. Migratsionnye protsessы v Buryatii na sovremennom ehtape: osnovnye tendentsii i puti regulirovaniya // Gorod i selo v usloviyakh globalizatsii (na primere respubliki Buryatiya): mat-ly mezhdunar. seminar. Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2009. S. 80-91.

7. Mangataeva D.D. Naselenie Buryatii: tendentsii formirovaniya i razvitiya. Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 1995. 155 s.

8. Postanovlenie Pravitel'stva RB ot 29.04.2002 g. «Kontseptsiya demograficheskogo razvitiya Respubliki Buryatiya na period do 2010 g.» (vklyuchaet razdel «Migratsiya i rasselenie»). [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://sibnews.info/section9i/sortwt/okdoke7glcpyhi.htm> [Data obrashheniya: 17.04.2010 g.].

9. Predpolozhitel'naya chislennost' naseleniya Respubliki Buryatiya do 2030 g. // Statisticheskij sbornik № 02-03-00. Buryatstat. Ulan-Udeh. 2009. S. 4.

10. Randalov YU.B., KHaraev B.V., CHukreev P.A. Migratsionnye nastroyeniya sel'skikh zhitelej: dejstvuyushhie faktory i tendentsii (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya v Respublike Buryatiya). Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2005. 115 s.

11. Sodnompilova M.M. Sel'sko-gorodskaya migratsiya v Buryatii: formirovanie translokal'nogo prostranstva // Gorod i selo v postsovetsoj Buryatii: sotsial'no-anthropologicheskie ocherki. Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2009. S. 163-184.